

МИСТИКА ИСТОРИИ И ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ ВИДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ*

Ирина Плеханова

Независимый исследователь,
Иркутск, Россия

THE MYSTICISM OF HISTORY AND THE TRANSCENDENT VISION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Irina Plekhanova

Independent researcher,
Irkutsk, Russia

This article examines the evolution of “mystical discourse” in the literature on the Great Patriotic War from 1941 to 2008. It analyses the content of ideas about the participation of supernatural principles in people’s relations and in the fate of peoples in different historical conditions. The author reveals thegnoseological potential and socio-cultural mission of irrational knowledge that claims to be the universal truth. The “transcendent vision” formula integrates a variety of manifestations – from intuitions to metaphysical concepts. The analysis is done with reference to poetry by K. Simonov, A. Akhmatova, A. Tvardovsky, N. Glazkov, Yu. Kuznetsov, the poem *Leningrad Apocalypse* by D. Andreev, *Mother’s Dreams* by V. Shukshin, *God and the Soldier* by V. Pietsukh, *Live and Remember* by V. Rasputin, *Psalm* by F. Gorenstein, *Cursed and Killed* by V. Astafyev, and *Tankman or ‘White Tiger’* by I. Boyashov. The author’s reflections on the transcendent is realised in three modes: discovery, mystical propensities, and philosophising. The discovery of the presence of the mystical principle as a real and beneficial force is characteristic of wartime lyrics. Vital intuition actualises the archetypal resource of national

* Citation: Plekhanova, I. (2021). The Mysticism of History and the Transcendent Vision of the Great Patriotic War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 2. P. 591–606. DOI 10.15826/qr.2021.2.598.

Цитирование: Plekhanova I. The Mysticism of History and the Transcendent Vision of the Great Patriotic War // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 2. P. 591–606. DOI 10.15826/qr.2021.2.598 / Плеханова И. Мистика истории и трансцендентное видение Великой Отечественной войны в литературе // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 2. С. 591–606. DOI 10.15826/qr.2021.2.598.

culture: ancestral memory, the voice of the Earth, nature, the patronage of ancestors, and the sacred power of the Russian word. Awareness of the special protective mission of love is based on the deep ethics of folk tradition and corresponds to the ideas of religious philosophy about the participation of the Wisdom of God in human relations. The effectiveness of both is confirmed by prophetic dreams and actions of the heroines in the works by V. Shukshin and V. Rasputin. Theodicy became the central problem in the post-war feeling of a disastrous social experience. A visionary poem by D. Andreev and ballads by Yu. Kuznetsov are versions of poetic gnosis: they interpret the war as an episode of the eternal conflict of darkness and light, the confrontation of demons with great power, in which an ordinary person is assigned the role of a victim and the poet – the mission of the “messenger”, the painter of these forces. The reasoner-toned concepts of F. Gorenstein and V. Astafyev regard war as a last judgment on peoples, the payment for the fall from God’s grace. I. Boyashov’s novel reveals the Manichaeic idea of the dual role of evil: the power of darkness can only be crushed by hatred. Experiencing the ontological power of transcendent knowledge and its suggestions, the artist feels involved in the mystical origin.

Keywords: literature about war, salvation archetypes, history mysticism, theodicy

Рассмотрена эволюция «мистического дискурса» в литературе о Великой Отечественной войне. Анализируется содержание представлений об участии сверхъестественных начал в отношениях людей и в судьбах народов в разных исторических условиях. Раскрываются геносеологический потенциал и социокультурная миссия иррационального знания, претендующего на универсальную истину. Разнообразие проявлений – от интуиции до метафизических концепций – интегрирует формула «трансцендентное видение». Материал исследования – поэзия К. Симонова, А. Ахматовой, А. Твардовского, Н. Глазкова, Ю. Кузнецова, поэма «Ленинградский апокалипсис» Д. Андреева, рассказы «Сны матери» В. Шукшина, «Бог и солдат» В. Пьецуха, повесть «Живи и помни» В. Распутина, романы «Псалом» Ф. Горенштейна, «Прокляты и убиты» В. Астафьева, «Танкист, или “Белый тигр”» И. Бояшова. Авторская рефлексия трансцендентного реализуется в трех модусах – открытие, визионерство, резонанс. Открытие присутствия мистического начала как реальной и благотворной силы характерно для лирики военного времени. Витальная интуиция актуализирует архетипический ресурс национальной культуры: это родовая память, голос земли, природы, покровительство предков, сакральная сила русского слова. Осознание охранительной миссии любви опирается на глубинную этику народной традиции и соответствует идеям религиозной философии об участии мудрости Божией в человеческих отношениях. Действенность того и другого подтверждают вещие сны и поступки героинь в произведениях В. Шукшина и В. Распутина. В послевоенном переживании катастрофического социального опыта центральной проблемой становится теодицея. Баллады Ю. Кузнецова, визионерская поэма Д. Андреева – версии поэтической гностики, они трактуют войну как эпизод вечного конфликта тьмы и света, противоборства демонов великодержавия, в кото-

ром простому человеку отводится роль жертвы, а поэту – миссия вестника, живописца этих сил. Резонерские концепции Ф. Горенштейна и В. Астафьева рассматривают войну как Страшный суд над народами, расплату за грехи богоотпадения. В романе И. Бояшова раскрывается манихейская идея двойственной роли Зла: Тьму может сокрушить только ненависть. Переживая онтологическую силу трансцендентного знания, его суггестию, художник ощущает себя сопричастным мистическому началу.

Ключевые слова: литература о войне, архетипы спасения, мистика истории, теодицея

Проблемное поле

Иррациональное знание военного опыта разнородно и с трудом охватывается одним определением. Интуиция, религиозные оценки, метафизические концепции требуют особого языка. Логично объединить все «трансцендентным видением», поскольку *transcendens* означает «выходящий за пределы», это касается и образов, и опыта чувств, и рационального понимания, и любой догматики, от религии до идеологии.

Мистическое, сверхъестественное содержание трансцендентного видения зависит от мироощущения автора и его чуткости к запросам времени. Трансцендентные оценки войны зазвучали уже после ее завершения, и это само по себе повод для рефлексии. Д. Гранин рассуждал о «феномене нашей победы», связывая его с «чудом»:

Можно ли понять: как случилось, что, обреченные потерпеть поражение, мы, тем не менее, победили? Ведь была отдана вся Украина, вся Белоруссия, большая часть России, люди погибали безо всякого утешения, надежды, что их смерть не напрасна. И все-таки страна выстояла. Почему? <...> Однажды прочитал статью митрополита Илариона, в которой он сказал, что наша победа – это чудо. Вначале меня это возмутило: «А как же мы? Ведь чудо без участия людей совершается само собой. И получается, героизм народа здесь не при чем? [цит. по: Боброва].

Разгадка противоречия решается ссылкой не на веру, но на мудрость поэта, который в одном вопросе соединил все факторы детерминизма:

Но потом я вспомнил Пушкина. «Гроза двенадцатого года / Настала – кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский Бог?» Это признание Пушкина – тоже о том, что, в общем-то, только рационально объяснить нашу победу недостаточно. И гений Пушкина чувствуует это лучше историков [Там же].

Дилемма «чудо или стойкость» стала стержнем рассуждений в биографическом романе «Мой лейтенант» (2011). Роли разделены: на чуде настаивает жена повествователя, но не он сам [Гранин].

Когнитивная проблема перерастает в гносеологическую: что является источником иррационального, истины – опыт или вера? Чем обеспечена ее безусловность – архетипической памятью или сверхзнанием? Насколько интуиция отличается от откровения? Как язык их воплощения соотносится с реалиями военного быта, с ужасным и чудовищным? Как мистическое видение свидетеля *участвует* в борьбе Добра и Зла?

Три модуса видения мистического дают разные ответы на эти вопросы.

Мистическое как открытие

Социальная лирика заявила о значимости трансцендентного в самом начале войны – вопреки идеологии, но не в споре с ней. Поэты еще не уповают на Бога, но открывают спасительную сверхсилу любви. Цель дружеского послания «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» (1941) гражданская – пробудить мистическое чувство Родины в диалоге с ее голосами. В трагический момент поэт переживает пронзительное откровение встречного чувства. Любовь защищает от отчаяния, мобилизуя глубинную память и волю к жизни. Поэт заявляет тему осторожно, как выразительный образ, но сравнение перерастает в олицетворение: «*Как будто за каждую русской околицей, / Крестом своих рук ограждая живых, / Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в Бога не верящих внуков своих (здесь и далее курсив мой. – И. П.)*» [Симонов]. Тема соборной молитвы во спасение возникает при переживании угрозы общему существованию. Духовный диалог внушает веру в бессмертие народа, в покровительство пращуров. Такое ощущение не могло возникнуть в степях Халхин-Гола или в финских снегах – только при осознании вины перед родной землей. Православное сознание сливается с анимизмом, муки совести резонируют с прапамятью городского интеллигента и воскрешают архетипические образы.

У людей и природы один язык: «Мы вас подождем!» – говорили нам пажити. / «Мы вас подождем!» – говорили леса. / Ты знаешь, Алеша, *ночами мне кажется, / Что следом за мной их идут голоса*» [Симонов]. «Кажется ночами» – еще одно смягчение императива, каким входит в сознание ирреально-безусловное. Рефлексия не сомневается в собственной чуткости и в подлинности образов, однако энергетика иррационального видится почти гиперболой. В этом отличие от непосредственного разговора с землей, который ведет на тех же дорогах Смоленщины полуфольклорный герой Василий Теркин. Для него нет ничего необычного в обращении к «матери-земле», он органичен в привычном, насущном и непрерывном общении: «И в пути, в горячке боя, / На привале и во сне / В нем жила сама собою / Речь к родимой стороне: / <...> / – Мать-земля моя родная, / Я твою изведаль власть, / Как душа моя больная / Издали к тебе рвалась! / <...> / Мать-земля моя родная, / Дымный *дедовский большак*, / Я про то не вспоминаю, /

Не хвалюсь, а только так!..» [Твардовский, с. 189]. Герой «гласит порой» за автора: Твардовский не признает открытия в очевидном, мистике – в естестве.

Безусловно убедительно стихотворение-заклинание «Жди меня» (1941), внушающее мистическую силу любви-оберега. Энергетика чувства усиливается глаголами-императивами, суггестией ритма – ударностью кратких слов, акцентированным хореем, рефренами, звучностью простых, но точных мужских рифм: «Как я выжил, будем знать / Только мы с тобой, – / Просто ты умела ждать, / Как никто другой» [Симонов]. Магия стиха взывает к вере в единение возлюбленных, архетипической для всех культур.

В. Распутин развил тему в «Живи и помни» (1974). Реалистическая повесть пронизана размышлениями героев и автора о тайне хранящей силы. Это рефлексия душевной женственности, чьи интуиции сходятся с идеями религиозной философии о софийности любви. Так видится таинство не чувственной привязанности, но единства судеб жены и мужа. Мистическая сущность отношений переживается героинями, и миссия защиты осознается трагически ответственно. Вдова погибшего солдата терзается неизъяснимым чувством: «Хитрит Надька, что не она потеряла Витю, что он полег от вражеской пули сам. <...> Чувствует свою вину – малой каплей не знает, в чем она, эта вина, не понимает, как можно было помочь. <...> Или меньше, чем надо, молилась, или меньше страдала, думала о нем?» [Распутин, с. 87–88].

Интуиция, а не опыт, не ритуальная магия, а творение таинства общения-оберега должны действовать непрерывно – и нет уверенности в силе. В этом отличие от молитвенного взывания симоновского героя, находящегося рядом со смертью: он не сомневается в возможности спасения – его жизнь во власти возлюбленной. Женщина у Распутина переживает призыв в ситуации неопределенности – ее духовное пространство включает не только Бога или Богородицу, к которым обращены молитвы, но и некую неназванную силу, результат зависит от резонанса с ней. Женщина погружена в трагизм неуверенности при ясном осознании долга и способности предотвратить беду.

Так же переживается ее ответственность за преступление мужа: «Верила и Настена, что в судьбе Андрея с тех пор, как он ушел из дому, каким-то краем есть и ее участие. Верила и боялась, что жила она, наверно, для себя, думала о себе и ждала его только для одной себя» [Распутин, с. 88]. Вещий «обоюдный сон» [Там же, с. 111] наглядно показывает не только связь судеб – в нем творится магия спасения. Интуиция Настены опережает события на три года, она приходит к мужу как будто по подсказке: «А меня бабка одна надоумила. Какая бабка? – хоть убей, потеряла из памяти» [Там же]. Видимо, «бабка» – Божья премудрость, София. Будущее семьи зависит от рождения дитя: «Иди, говорит, к нему и скажи о ребятишках. Если признает, согласится – так тому и быть, откажется – останетесь при своих интересах» [Там же]. Жена заклинает мужа еще не рожденны-

ми детьми, испытывая *его* любовь и отзывчивость, но тот не поверил, прогнал, а встреча во сне могла бы предотвратить несчастье. Видение оборвалось, Андрей еще надеется на общее будущее, а это было предвестие – предательство семьи произошло раньше дезертирства.

О чувстве вины говорит вещей сон в рассказе В. Шукшина «Сны матери» (1973). Мать вспоминает проводы на войну, она нечаянно задремала днем и увидела, как поднесла мужу горячую похлебку – и тот обжегся: «Он послушал-послушал да загрустил... Аж с лица изменился, помутнел. Говорит печально: “Все, Маня... Неспроста этот сон: обожгусь я там”. И – обжегся: полгода всего и пожил-то после этого – убило» [Шукшин, с. 32]. Запись Шукшина не передает рефлексию матери, но боль вестницы ощутима, ведь это она предложила: «На-ко, мол, спробуй, а то тебе все недосол кажется» [Там же].

Актуализация природного *чутья*, общее витально-эпическое проживание бедствия заместили религиозную мистику не только в официальной поэзии военного времени, но и в интимной лирике ведущих поэтов. Дело, видимо, не в цензурном запрете, а в необходимости перевода сакральных чувств на язык времени. Так глубоко верующая А. Ахматова («Молитва», 1915) превращает Божественный Логос в высшую ценность национального сознания: «И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово. / Свободным и чистым тебя пронесем, / И внукам дадим, и от плена спасем / Навеки» («Мужество», 1942) [Ахматова]. К Богу взывал Н. Глазков, непризнанный поэт, избравший личную судьбу, переменяя войну в эвакуации. Его «Молитва» звучит как парадоксальное покаяние, ибо вера в историческую правоту народа не абсолютна: «Господи! Вступи за Советы, / Сохрани страну от высших рас, / Потому что все твои заветы / Нарушает Гитлер чаще нас» [Глазков]. «Небывалист» верен патриотизму и критике, Богу и парадоксу.

Мистические открытия военного времени имели сугубо позитивную прагматическую ценность, они стимулировали витальную волю, резонанс с благотворной сверхсилой. Время анализа трансцендентного придет позже, но рефлексия не поставит под сомнение подлинность обретенного знания.

Мистическое визионерство и резонерство

Отличие визионерства от резонерства существенно, если художник, как Д. Андреев, непосредственно *созерцает* Истину, *переживает* собственную миссию медиума и творит язык для запечатления откровения. Резонерство – плод строгой рефлексии, но оно также претендует на подлинность знания и пророчество. Общее в обоих случаях – заявка на метауровень осмысления причин войны, природы конфликтов, судьбы народов и перспектив истории. Отвергаются идеология и ортодоксально христианское видение событий как борьбы Добра со Злом и Победы над ним. Решаются проблемы такого масштаба, как теодицея, вина народа, конфликт цивилизаций.

Мистика полна негативных эмоций; обратиться к высшим, абсолютным силам побуждают гнев, презрение к просто человеческому. Причина очевидна: чудовищная жестокость войны, как и всей истории XX в., аннигилировала гуманистические утопии, и оправдать человека еще труднее, чем Бога. Усталая эгоцентрическая культура не способна на подвиг любви и примиряется с неразрешимостью зла.

***«Нейтральное» мистическое знание:
импульсы и горизонты прозрений***

Самый беспристрастный вариант – решение теодицеи исходя из идеи свободной воли человека, причем свобода не героизируется, а наделенный ею скорее достоин жалости, чем сострадания. Пример – рассказ В. Пьецуха «Бог и солдат» (1989), в котором на военной дороге встретились две силы, отвечающие за жизнь на земле. Обе выглядят непрезентабельно, и диалог ведется попросту, почти на матерном языке. Солдат как-то сразу признает в старике в сером балахоне самого Саваофа: «– Ты чего же это делаешь-то, ядрена корень?!» [Пьецух]. Бог вместо ответа рассуждает о превратных проявлениях свободы воли, которой он одарил людей: «Ведь я на что рассчитывал, создавая всемогущего человека: на то, что сила будет управлять миром. Ты обращал внимание, что сильные люди обыкновенно бывают добрые и покладистые?» [Там же]. Солдат запросто упрекает Творца в том, что тот сам виноват, и требует вмешательства: «Заварил кашу – теперь расхлебывай!...» На что только что прослезившийся Господь гневается: «– А вот что: идите вы все куда подальше!» [Там же]. Легко догадаться, куда Бог послал собеседника, и тот привычно выполняет команду. В дальнейшем «все у него выходило по-божески, то есть наоборот», а завершил свой путь победитель фашизма «тоже не по-людски: в семьдесят четвертом году он выиграл в лотерею магнитофон, выпил на радостях четыре бутылки вина – и умер» [Там же]. Жалкое «чудо» стоило жизни, выстраданной на войне.

В. Пьецух как агностик демистифицирует и образ Бога, и, главное, идею богоподобия человека: дар свободы обращается во зло или расходуется на мелкие страсти. Бога легко оправдать: он на правой стороне, скорбит, да и сам несвободен, ибо остается заложником своей неотменяемой благодати. Природа человека неизменна: солдат бесстрашен, но чудесная встреча ничему его не научила. Скепсис решает вечную проблему метафизики, даже не обсуждая идеи религиозной философии, для которой свобода воли имманентна богоподобному человеку, в чем залог его возможного преображения [Бердяев].

В советской литературе первым о метафизике войны заговорил Ю. Кузнецов. Он создал героический образ поэта и мотивировал право на имморальную истину силой духа и творческого дара («Я пил из черепа отца...», 9 мая 1977; поэма «Золотая гора», 1974). Заявка на особое понимание войны вопреки национальному мифу стала мериллом свободы и глубины мысли. В балладе «Вечный снег» (1978) все-

ведение, сообразно мифопоэтике, доверено мертвым, но истина высказана туманно, хотя нисходит от света: «Непричастная злу и добру, / Вечным снегом вершина блистает» [Кузнецов]. Овца, тоже «непричастная злу и добру», привела пастуха к телам погибших в боях, и он услышал: «Знайте правду: нас нет на земле, / Не одна только смерть виновата. / Наши годы до нас не дошли, / Наши дни стороной пролетели. / Но беда эта старше земли / И не ведает смысла и цели...» [Там же]. Имя «беда» не названо, можно предположить, что речь идет о манихейской концепции борьбы Света и Мрака, в которой человек напрасно ищет благотворную истину, к какому бы лагерю он ни принадлежал. Подтекст баллады – слухи о том, что на Кавказ гитлеровцев равно влекли и нефть, и мистические цели. Они и после смерти не обрели желанного знания, впрочем, как и защитники гор. Неведенье терзает всех, финал баллады открыт: «А солдаты лежат, как живые... / Ждут и смотрят – свои и чужие» [Там же]. Трагедия человека в истории – обреченность погибнуть на подступах к блистающей вечным снегом/светом вершине, в лучшем случае догадываясь о существовании иных истин – несравнимых по значимости с теми, за которые воюет.

Д. Андреев в 1930-е гг. разработал грандиозную мистическую картину, описанную в трактате «Роза мира» (1958). Смысл войны в метаистории России раскрывала поэма «Ленинградский апокалипсис» (1949–1953). Поэт-гностик видел ее как противоборство великодержавных демонов Германии и России, не испытывая никаких иллюзий по поводу «священной войны» и светлой перспективы после победы. В этом уникальность поэтической рефлексии защитника страны, награжденного медалью «За оборону Ленинграда».

Поэт-солдат воспринимал мир двуедино: описывал руины города, бедствия блокады – и созерцал битву духов, соперничающих за господство над пространством. Сюжет визионерской поэмы – переход от реальности к созерцанию трансцендентного, процесс творчества предстает актом «смерти и воскресения» [Дашевская, с. 76]. Ясность описаний мистического обусловлена доктринальным системным мышлением. Сложная картина мироустройства, названия сущих сил, имена их олицетворений открылись не в состоянии транса, не в сневидении, но в медитации при свете дня. Поэма, написанная в тюрьме, излагает выношенные идеи, герой и автор тождественны, интеллигентные образы представлены мифопоэтически, эстетика символизма требует идеального совершенства стиха – условия истинности и суггестивности текста.

Статус посвященного усилен единением с народом в испытании – и в этом награда пророку: «И зорче ордена храню / Ту ночь, когда шаги упорные / Я слил во тьме ледовой трассы / С утрюмым шагом русской расы, / До глаз закованной в броню» [Андреев, с. 142]. Чувство причастности общей судьбе не противоречит столь же глубоко проживаемому эзотерическому знанию, отводящему народу лишь

жертвенную роль в собственной истории. Весть диктует «небывалую песню» «о прозрении своенравном / Превыше сердца и ума» и оставляет поэта один на один с истиной и лицом к лицу с силами, явившимися из «космоса инобытия» [Андреев, с. 149].

Слово «апокалипсис» в названии поэмы употреблено в изначальном смысле – как «откровение в Ленинграде», а не как пророчество о конце времен и победе над дьяволом. Судьба не случайно привела поэта-«вестника» в находящийся на краю гибели город-символ – отсюда начиналось движение на Запад, здесь и вершится роковая битва. Второе значение «откровения» – жанр вещего описания: «Поэма бури! Стань ответчицей / Всем, кто почуял слухом сердца / Глагол и шаг Народодержца / Сквозь этот хаос, гул и вой!» [Там же, с. 153].

«Поэма бури» раскрывает суть метаистории как трагедии исполнения замысла «бессмертного Ангела сверхнарода». Имя «Народодержца» названо в примечаниях – Демиург Ярослав. Судьба народа искажена проклятием – восстанием против Яросвета его порождения: уицраор Жругр, демон российской державности, похитил соборную душу народа Навну. Жестокая власть орудует, как Петр – «Вместилище нездешней бури, / Нечеловеческого “я”» [Там же]. То же и Сталин: «Господь! Неужто это чудище / С врагом боролось нашей ратью, / А вождь был только рукоятью / его меча, слепой, как мы?..» [Там же, с. 169]. В звуках сирен, в ночном небе поэт прозревает явление уицраора (разумного и крайне хищного существа параллельного мира) и поединок хтонических сил: «Я различил, что запад чадный / Весь заслонен другой громадой / Пульсирующей... что она / В перистальтическом движении / еще грозней, лютей, звериней, / Чем тот, кто русскою твердыней / Одетый, борется без сна» [Там же].

Самый жуткий ужас битвы – не в чудовищном облике сил, а в прозрении: «Так что же: войско уицраора / Бессильно перед мощью вражьей? / Россия гибнет – кто же страж ей? / Где Демиург, где кормчий – где?!» [Там же, с. 162]. Поэт в отчаянии возносит мольбы к Яросвету: «Но неужели ж – укрепляющий / Огонь Твоей верховной воли / В час битв за Русь не вспыхнет боле / Над ним – в пороховом дыму?» [Там же, с. 171].

В разгар смертной схватки взор демона обращается на внутреннего врага: «И вдруг я понял: око чудища, / С неуголимой злобой шаря / Из слоя в слой, от твари к твари, / Скользит по ближним граням льда, / Вонзается, меж черных груд, ища / Мою судьбу» [Там же]. «Поэма бури» уравнивает схватку inferнальных сил с противостоянием «вестника» и демона, знания и метафизического существа – так с темой войны сплетается конфликт личности и государства. Противостояние буквально освещено соучастием в судьбе поэта родомыслов – национальных гениев. Поэма завершается видением не победы, но грядущего спасения мира: «И строят праведные зодчие / Духовный спуск к народам мира – / Вино небесного потира / Эпохам будущим нести» [Там же, с. 175].

Гностическая модель знания решает проблему теодицеи, освободив «Творца Триипостасного» от участия в земной истории. Судьбы мира – во власти демиургов низшего ранга, судьба народа зависит от силы «Творца страны» и от воли гениев народа. Простым людям остается мужество терпения. В. Микушевич увидел в этом причину исторических бедствий – «религиозную трагедию», искажение веры: «В духовной жизни России сохраняется сильная тенденция подменять Бога Ангелом Родины» [цит. по: «О пламенном хоре, которого нет на земле»]. Андреев был убежден, что, совершая подвиг преодоления «метафизического страха», исполнил веление времени: «Рок Века сам меня напутствовал, / Годами скорбными готовя, / И вот теперь шептал с любовью: / Взирай. Не бойся. Запиши» [Андреев, с. 173]. Поэма об ужасах войны утверждает спасение: общее – в знании, личное – в избранности и творчестве.

***Метафизика проклятия:
причина, источник, жертвы, перспективы***

Оценка войны как проклятия становится идеей, когда источником и причиной называется гнев Божий, когда эта идея овладевает сознанием художника – и он берет на себя миссию пророка. Пророка ветхозаветного – судии, избличающего всеобщее грехопадение, требуя воздаяния. Смысл войны меняется – это уже не защита от нашествия, не битва за правое дело, но тотальное зло и расплата за соучастие в нем. Право на такое видение дает скорбный опыт, но главный мотив – суровая вера и яростный темперамент. Они вдохновляют на чрезвычайно жестокие, но сугубо резонерские картины.

Книга Ф. Горенштейна «Псалом» (1975) имеет подзаголовок «Роман-размышление о четырех казнях Господних». Писатель вслед за библейскими пророками избличает народ, предавший Бога ради идолов и потому обреченный на казни – мечом, голодом, похотью и моровой язвой (Иез. 14 : 21). О справедливости проклятья и осуществлении возмездия размышляют повествователь и мистический герой – Антихрист Дан, пришедший на землю. Антихрист – не противник Бога, а брат Христа: «Один послан для Проклятья и Суда, другой для Благословения и Любви...» [Горенштейн, с. 14]. Диалог с Богом реален: «Дан почувствовал, как Нечто коснулось губ его, и он услышал: – Вот Я вложил слова Мои в уста твои... Подыми голову, посмотри на народ, что идет вокруг тебя в своих заботах...» [Там же, с. 27]. Господь гласит словами пророка: «Они солгали на Господа и сказали: “Нет его, и беда не придет на нас, и мы не увидим ни меча, ни голода”» (Иер. 5 : 12). Но все беды обрушатся на безбожный народ, о чем говорят знамения кровопролитий: «И увидел Дан опять меч, который видел впервые под Керчью и который тогда рассек над окровавленным морем кровавые тучи. На сей раз меч упирался рукоятью в вечернее солнце, острие же его пропадало за снежными крышами западной окраины горо-

да Ржева, и снег на крышах был цвета алой артериальной крови» [Горенштейн, с. 106].

Возмездие войны падет не на героев – их нет среди грешников – а на людей несчастных и слабых. Город Ржев вынесет больше других, ибо здесь юдофобы оскорбили Дана, и первой жертвой немцев падет стахановец. Телеология возмездия метафизическая. Девочка Аннушка выдаст девочку-еврейку из ревности, но через нее придет наказание Германии, поскольку, «чтобы совершить обряд проклятия, Антихристу нужен грешник, которого в муках угоняют в рабство, ибо Антихристу, посланцу Господа, как и Христу, не дано вступить на нечистую землю» [Там же, с. 125]. Аннушке суждено опустить текст проклятий пророков в воды Рейна.

Беспощадность Ф. Горенштейна граничит с мизантропией, но самое неожиданное оправдание проклятья – обусловленность возмездия миссией Творца. Писатель отказывает в ней милосердию: «Христос же Спаситель, чистый сердцем, ибо чисто сердце, не знающее мук творчества» [Там же, с. 311]. Творение – неотменяемая сущность Бога, и если суд пророков вершится от имени и по слову Бога, если ужасы войны и беды происходят по *карающе-творящей*, даже *нечистой* воле, то это самая парадоксальная версия теодицеи.

Роман В. Астафьева «Прокляты и убиты» (1994) далек от такой тонкой рефлексии, писатель страстно прямолинеен, он превращает эпос «Живых и мертвых» (1959–1971) в Страшный суд над народом – без перспективы воскресения и спасения даже праведников. Мистический смысл чудовищно безобразной жизни («Чертова яма») и обреченной погибели («Плацдарм») в том, что Божья кара настигает всех, независимо от правоты.

Суть названия раскрывается в споре старообрядца Коли Рындина с комиссаром, он вспоминает завет бабушки и «оконников» – сектантов, молившихся Богу не в церквях, а буквально прорубавших окно в природу. Жители тайги хранят высокую традицию: через бабушку глаголет софийная мудрость, «оконники» чисты от греха сотворения кумира – их заповеди написаны на особых скрижалях: «Икон оне с собой из Расеи не приносили, только складни со стихирами. И на одной стихире, баушка Секлетинья сказывала, писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты» [Астафьев, с. 109]. Предупреждение о неизбежной каре соответствует христианской метафизике – идее «об общей мировой вине и всеобщей ответственности» [Золотухина, с. 85]. Когда «сеют войны», высокая этика не взвешивает личную вину и меру воздаяния.

Роль судии берет на себя писатель, равно возмущенный ложью о войне и людским безверием. Жестокий натурализм и скорбный сарказм – краски одной палитры. Напряжение муки и гнева разрешается инвективами – разоблачением инициаторов смертоубийства, издевкой над простодушiem жертв и соучастников. Астафьев считал несчастья расплатой за поддержку власти «комиссаров» как «главных

смутителей-безбожников» [Астафьев, с. 108], и народ не оправдывало простодушие – по поговорке оно «хуже воровства». Единение палачей и жертв карикатурно представлено реакцией красноармейцев на речь вождя: «Коля Рындин плакал навзрыд, утирая лицо ручищей. <...> – Мне товарища Сталина жалко» [Там же, с. 41]. Отзывчивый Коля еще в тылу почти утратил человеческий облик, и все же, переживая богооставленность, не отрекается и смиренно разрешает теодицею: Бог «не допускает его молитву до высоты небесной, карает его вместе со всеми ребятами невиданной карой, голодью, вшами, скопищем людей, превращенных в животных. <...> На этом Он, Милостивец, не остановится, как совершенно верно сказано в Божьем Писании, бросит еще всех в геенну огненную» [Там же, с. 108]. Ирония автора в простодушном восприятии героя звучит как оправдание «Милостивца», более того – сами страдания обретают смысл. У Астафьева он связан не с защитой родины, но с осознанием греховности – и хотя бы таким признанием Божьей воли. Трансцендентная истина открывается сугубо рационально – а потому безблагодатно, но для проповеди резонера приятия вины уже достаточно.

Создать современный художественный мистический образ войны почти невозможно, когда эзотерика стала товаром. Автора сразу заподозрят в написании фэнтези и поддержат за новаторство при раскрытии архаичной темы, как это сделал молодой критик, одобряя роман И. Бояшова «Танкист, или “Белый тигр”» (2008) [Бабицкая]. Действительно, игра автора обнажена: герой, обугленный танкист, слишком похож на зомби, а название отсылает к роману Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит» (1851), где поединок китобоя с чудовищем рассматривался как вызов человека природе и воле всех богов – зороастризма и христианства. Тем интереснее задача – проявить через образ-клише метафизику истории, вечное и неразрешимое противоборство агрессии и воли к жизни.

Решение задачи – не просто наполнение мифопоэтической схемы реалиями истории и культурными ассоциациями, но разработка особого психологизма, неожиданного и узнаваемого. Модель поединка антагонистов представляет войну как схватку машин – Т-34 против «тигра», за каждым стоят инженерный и организационный гений, экономика, военное искусство и воля к победе. Начало противоборства – историческое сражение, «прохоровское побоище» [Бояшов, с. 7]. Финал открыт: «бойня завершилась, но дракон не провалился в тартарары» – и в этом правда истории [Там же, с. 178].

Персонификации сил представлены, как в мифе – чудовище и всадник, хтоническая мощь и двойничество-симбиоз человека и природы. Жуть – в бесстрастной отлаженности машины истребления, красота – в артистизме, с каким Ванька управляет своей «ласточкой». Встретились, как у А. Блока, «сумрачный германский гений» и чуткая «скифская» витальность. Ужасны оба – на настоящей войне по-другому не бывает. «Белый тигр» видится «Белым Призраком», вездесущий,

неуловимый, он попирает все законы природы – в решающем сражении «туша Летучего Голландца закрыла и небо, и землю» [Бояшов, с. 125]. Герой-спаситель не Георгий Победоносец, нет и прекрасной девы – Руси, которую он защищает. Зато есть всепоглощающая ненависть к врагу, которая побуждает жить и сражаться. Сожженный танкист воскресает, буквально «смертию смерть поправ». Выглядит это как жуткое чудо, авторский курсив его визуализирует: «“головешка” открыла глаза» [Там же, с. 7]. Танкиста будут называть «Черепом», «Totenkompf», «Танатосом», имя Ванька-Смерть нарицательное. Оба противника отталкивают своих и чужих: тигр и для немцев – «порождение Тьмы», Ванька – «Кощей» в башмачкинской шинели, он вневечеловечен, пугает русских неистовым самозабвением ненависти.

Тигр являет абсолютное Зло, образ Ваньки – его метафизическую миссию. О ней говорит эпитафия: «Не будешь ли так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»)» [Там же, с. 5]. Танкист – противник Тьмы, самобытный антагонист хтонической силы. Когда «бились Зверь и Найденов», «вышедший “от печки” самозабвенный Ванька отплясывал на виду у Призрака», уклоняясь от болванок, и «поединщик огрызнулся на победный голос танцующего перед ним Давида» [Там же, с. 124, с. 126]. Сказочно-библейская аура готовит миссию отмщения – Ванька выстрадал право «быть авангардом настоящей Божьей грозы» [Там же, с. 133]. У него свои тени – inferнальный экипаж из насильника и пьяницы, они «гонцы апокалипсиса», орудие Страшного суда: «Германия взвыла в предчувствии самой дикой, невиданной, а главное, *справедливой* расправы... в ту зиму страна Гете и Шиллера однозначно была проклята Богом. Вострубили его ангелы!» [Там же, с. 133–134].

«Проклято и убито» население «нечистой земли», как того желал Антихрист у Горенштейна, о чем и не помышлял астафьевский простак Коля. Бояшов не рефлексирует на эту болезненную тему, предоставляя оценку чудовищной развязки религиозной образности. Он свободен от необходимости решать теодицею и освобождает от этого своего героя вместе с возможностью переживать. Ванька, как Ахав у Мелвилла, не видит ничего, кроме цели, лишен памяти и прочих человеческих черт: «Иван Иванович был слеп и глух ко всему, что не касалось его трансцендентной погони» [Там же, с. 160].

Для создания трагической глубины образа все-таки нужна любовь – и она уравнивает ярую ненависть трепетной чуткостью к машинам. Анимизированные «коробки» и самоходки платят взаимностью, отзывчив и сотворенный воображением Ваньки Бог войны в шлеме танкиста. Эта любовь-вера только отчасти объясняет заговоренность Ваньки-встаньки из праха. Он бессмертен, как и Белый тигр, пока существует цивилизационное противостояние Запада и России. Не только как геополитическая мистерия по Д. Андрееву,

а как два образа существования – через уничтожение иного и авторегенерацию, две ненависти – холодную и пламенную, два гения – плановности и стихийности. Один практически неуязвим из-за сугубой рациональности, другой обречен на провалы и упускает победу. Истребить этого феникса могут только свои – и они уже нацелились.

Концептуальное резонерство освещает трагизм истории посредством культурной неомифологии, дуализм добра/зла не нуждается в мистическом, религиозном, философском обосновании, достаточно цитаты из Булгакова. Очевидность игры снижает напряжение мистики до условности, открывая другой ресурс суггестии – эвристический. Схватка сверхмашины и человека в ее общеисторической трактовке заражает сопереживанием.

* * *

Метафизические прозрения, религиозная оценка, игра фантазии образуют одну картину – сверхъестественной сущности реальной истории. Их объединяет абсолютная ясность изобразительности и мысли, причина – социальная значимость темы и миссия художника-проводника, убеждающего в очевидности иррациональной истины. Отсюда – ограниченность мотивов и категоричность авторской позиции. Мотивы говорят о чуде спасения, сакральности любви, памяти, земли, слова, веры – таков мистический ресурс витальности, ее архетипическое основание. Запредельные откровения не обсуждают, но иррациональный смысл войны – предмет рефлексии. Она решает вопросы теодицеи, метафизики Добра и Зла, справедливости признания всеобщей вины и непомерной ответственности жертв.

Переход от позитивной мистики к негативной связан с отчуждением автора, носителя абсолютной истины. Если в разгар смертельной схватки сознание художника дорожит духовно-энергетической общностью, благими источниками спасительной силы, то победа разъединяет и открывает возможность отрешенно-нейтрального апокалиптического видения свершившегося. Личное сознание выделяется из общего настолько, что полно решимости показать великий подвиг народа как Страшный суд над ним самим.

Онтологическая суть трансцендентального опыта создает у художника чувство причастности мистике и требует особой суггестивности отображения. Фольклорная, религиозная, гностическая традиции представляют *знание*, его авторитет подтверждает участие иррационального в обыденном. Рассудочная мистика эклектична – ей важна не правда, но экспрессия сверхъестественного. Истиной остается все усугубляющийся неразрешимый жуткий трагизм войны.

Список литературы

Андреев Д. Л. Ленинградский апокалипсис // Андреев Д. Л. Собр. соч. : в 3 т. М. : Моск. рабочий : Фирма Алесь, 1993. Т. 1. С. 142–175.

Астафьев В. П. Прокляты и убиты // Астафьев В. П. Собр. соч. : в 15 т. Красноярск : Офсет, 1997. Т. 10. 768 с.

Ахматова А. Мужество // Культура.рф : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/8905/muzhestvo> (дата обращения: 13.10.2020).

Бабицкая В. «Танкист, или “Белый тигр”» Ильи Бояшова // OpenSpase.ru : электрон. архив : [сайт]. 22.04.2008. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/40/> (дата обращения: 13.10.2020).

Бердяев Н. Философия свободы. М. : Путь, 1911. 281 с.

Боброва Е. Прожил жизнь, ощущая себя победителем : О чем рассказывал писатель «Российской газете» в последнем интервью // Рос. газ. : [сайт]. 2017. № 146 (7312). 5 июля. URL: <https://rg.ru/2017/07/05/daniil-granin-tolko-racionalno-obiasnit-nashu-pobedu-nedostatochno.html> (дата обращения: 09.10.2020).

Бояшов И. Танкист, или «Белый тигр». СПб. : Лимбус Пресс : Изд-во К. Тублина, 2008. 224 с.

Глазков Н. Все стихи Николая Глазкова // 45-я параллель: классическая и современная русская поэзия : [сайт]. URL: https://45parallel.net/nikolay_glazkov/stihi/ (дата обращения: 13.10.2020).

Горенштейн Ф. Псалом. Детоубийца. М. : Слово, 1993. 479 с.

Гранин Д. Мой лейтенант. М. : Амфора, 2015. 255 с.

Дашевская О. А. «Ленинградский Апокалипсис» Даниила Андреева в литературе 1940–1950-х годов // Филологический класс. 2009. № 1 (21). С. 71–77.

Золотухина О. Ю. Проблема интерпретации названия романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. Т. 11. 2014. № 4. С. 81–88.

Кузнецов Ю. П. Вечный снег // 45-я параллель: классическая и современная русская поэзия : [сайт]. URL: https://45parallel.net/yuriy_kuznetsov/vechnyy_sneg.html (дата обращения: 09.10.2020).

«О пламенном хоре, которого нет на земле» : Разговор о творчестве Даниила Андреева // Новый мир. 1996. № 10 // Журнальный зал : [сайт]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1996/10/o-plamennom-hore-kotorogo-net-na-zemle.html (дата обращения: 09.10.2020).

Пьецух В. Бог и солдат // LiveJournal : [сайт]. URL: <https://zotyeh7.livejournal.com/1114107.html> (дата обращения: 01.10.2020).

Распутин В. Г. Живи и помни // Распутин В. Г. Собр. соч. : в 4 т. Иркутск : Изд. Сапронов, 2007. Т. 3. С. 5–257.

Симонов К. Все стихи Константина Симонова // Русская поэзия : [сайт]. URL: <https://guroem.ru/simonov/all.aspx> (дата обращения: 08.10.2020).

Твардовский А. Т. Василий Теркин. М. : Наука, 1976. 528 с.

Шукшин В. М. Сны матери // Шукшин В. М. Собр. соч. : в 8 т. Барнаул : ИД «Барнаул», 2009. Т. 7. С. 30–34.

References

Akhmatova, A. (N. d.). Muzhestvo [Courage]. In *Kul'tura.rf* [website]. URL: <https://www.culture.ru/poems/8905/muzhestvo> (accessed: 13.10.2020).

Andreev, D. L. (1993). Leningradskii apokalipsis [Leningrad Apocalypse]. In Andreev, D. L. *Sobranie sochinenii v 3 t.* Moscow, Moskovskii rabochii, Firma Alesya. Vol. 1, pp. 142–175.

Astafyev, V. P. (1997). Proklyaty i ubity [Cursed and Killed]. In Astaf'yev, V. P. *Sobranie sochinenii v 15 t.* Krasnoyarsk, Ofset. Vol. 10. 768 p.

Babitskaya, V. (2008) “Tankist, ili ‘Belyi tigr’” I’i Boyashova [*Tankman, or ‘White Tiger’* by Iliya Boyashov]. In *OpenSpase.ru. Elektronnyi arkhiv* [website]. April 22. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/40/> (accessed: 13.10.2020).

Berdyayev, N. (1911). *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow, Put'. 281 p.

Bobrova, E. (2017) Prozhil zhizn', oshchushchaya sebya pobeditelem. O chem rasskazyval pisatel' “Rossiiskoi gazete” v poslednem interv'yu [I Lived My Life

Feeling Like a Winner. What the Writer Told *Rossiyskaya Gazeta* in His Last Interview]. In Rossiiskaya gazeta [website]. No. 146 (7312). July 5. URL: <https://rg.ru/2017/07/05/daniil-granin-tolko-racionalno-obiasnit-nashu-pobedu-nedostatochno.html> (accessed: 09.10.2020).

Boyashov, I. (2008). Tankist, ili “Belyi tigr” [Tankman, or “White Tiger”]. St Petersburg, Limbus Press, Izdatel’stvo K. Tublina. 224 p.

Dashevskaya, O. A. (2009). “Leninradskii Apokalipsis” Daniila Andreeva v literature 1940–1950-kh godov [The *Leningrad Apocalypse* by D. Andreev in the Literature of the 1940s and 1950s]. In *Filologicheskii klass*. No. 1 (21), pp. 71–77.

Glazkov, N. (N. d.). Vse stikhi Nikolaya Glazkova [All Poems by Nikolay Glazkov]. In *45-ya parallel’: klassicheskaya i sovremennaya russkaya poeziya* [website]. URL: https://45parallel.net/nikolay_glazkov/stihi/ (accessed: 13.10.2020).

Gorenstein, F. (1993). *Psalom. Detoubitsa* [Psalm. Infanticide]. Moscow, Slovo. 479 p.

Granin, D. (2015). *Moi leitenant* [My Lieutenant]. Moscow, Amfora. 255 p.

Kuznetsov, Yu. P. (N. d.). Vechnyi sneg [Eternal Snow]. In *45-ya parallel’: klassicheskaya i sovremennaya russkaya poeziya* [website]. URL: https://45parallel.net/yuriy_kuznetsov/vechnyy_sneg.html (accessed: 09.10.2020).

“O plamennom khore, kotorogo net na zemle”. Razgovor o tvorchestve Daniila Andreeva [“About the fiery choir that does not exist on earth”. Talk about Daniil Andreev’s Work]. (1996). In *Novyi mir*. No. 10. In *Zhurnal’nyi zal* [website]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1996/10/o-plamennom-hore-kotorogo-net-na-zemle.html (accessed: 1.10.2020).

P’etsukh, V. (N. d.). Bog i soldat [God and the Soldier]. In *LiveJournal* [website]. URL: <https://zotyach7.livejournal.com/1114107.html> (accessed: 01.10.2020).

Rasputin, V. G. (2007). Zhivi i pomni [Live and Remember]. In Rasputin, V. G. *Sobranie sochinenii v 4 t.* Irkutsk, Izdatel’ Sapronov. Vol. 3, pp. 5–257.

Shukshin, V. M. (2009). Sny matery [Mother’s Dreams]. In Shukshin, V. M. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Barnaul, Izdatel’skii dom “Barnaul”. Vol. 7, pp. 30–34.

Simonov, K. (N. d.). Vse stikhi Konstantina Simonova [All Poems by Konstantin Simonov]. In *Russkaya poeziya* [website]. URL: <https://rupoem.ru/simonov/all.aspx> (accessed: 08.10.2020).

Tvardovskii, A. T. (1976). *Vasilii Terkin* [Vasily Terkin]. Moscow, Nauka. 528 p.

Zolotukhina, O. Yu. (2014). Problema interpretatsii nazvaniya romana V. P. Astaf’eva “Proklyaty i ubity” [The Problem of Interpreting the Title of the Novel by V. P. Astafyev *Cursed and Killed*]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. Vol. 11. No. 4, pp. 81–88.

The article was submitted on 08.11.2020